

Джин продолжал играть с их сосками, с удовлетворением наблюдая, как они твердели и высыхали под его прикосновениями. Он наслаждался ощущением силы, которое приходило с их подчинением, зная, что он полностью контролирует их тела и их волю.

«Я буду ими командовать; они будут кланяться мне, восхваляя и уважая своего нового хозяина. И из этого культа поклонников я создам новую религию, которая распространится по всему миру. Они придут и помолятся мне, умоляя о спасении, и, как их спаситель, я исполню их желания. В конце концов, что такое бог без верующих?»

Пока он говорил, Джин чувствовал, как его возбуждение растет, а член между ног становится твердым и тяжелым. Он знал, что предстоящий путь полон терний и испытаний, что если он добьется успеха и преодолеет все трудности, то его сила и влияние вскоре превзойдут все остальные. И когда он посмотрел на двух женщин под собой, он понял, что они были только началом его пути к божественности.

Джин понял, что его личность претерпела внушительную трансформацию с тех пор, как он прибыл в этот мир. Когда он впервые прибыл сюда, у него не было никакого намерения совершать такой развратный и извращенный поступок по отношению к этим людям, нет. И только после того, как он получил некоторое представление о том, как работает его система и потенциал, которого она может достичь, он начал менять свой мыслительный процесс.

Сила опьяняла, прилив удовольствия заливал его вены, когда он упивался контролем, дарованным ему системой. Его разум изменился, и он увидел мир в новом свете — как будто это была его игровая площадка, его личное королевство. Всплеск дофамина был подобен наркотику, и он жаждал его все больше и больше.

Он наслаждался явным восторгом от обладания абсолютной властью, его хватка сжимала мир, как будто это была не более чем простая безделушка. Каждое решение, каждый шаг — все это было под его полным контролем.

Мысль о том, чтобы стать богом, вызвала дрожь по его спине, волна желания пробежала по нему, как электрический ток. Он знал, что вера — это ключ, топливо, которое зажжет огонь его божественных амбиций. А чтобы вера существовала, ему нужны были последователи — преданные, которые поклонялись бы ему и ловили каждое его слово. Одной мысли об этом было достаточно, чтобы его сердце забилося от волнения.

«Чтобы мне стать богом, нужна вера. Чтобы вера существовала, необходимы верующие и последователи».

Хотя в таком случае разве люди не назовут его богом извращений и разврата? Нет, он бы этого не хотел. Несмотря на признание того, насколько уместным было это имя, у Джина была другая идея.

«Мне не нужно позволять людям самим выбирать мне имя. Начнем с того, что оно мое. Я могу выбрать его самостоятельно. Я создам культ, и мои последователи будут называть меня богом

спасения или кем-то в этом роде».

По правде говоря, у него по спине пробежали мурашки, представив, как он провозглашает публике такой позорный титул.

«В любом случае, в двух словах план состоит в том, чтобы превратить всю эту деревню в базу культа, где я буду центральной фигурой. Я мог бы придумать несколько методов... на самом деле, есть много способов добиться этого... на самом деле их слишком много, я понятия не имею, с чего начать».

Потенциал системы был для него практически безграничен. С тем количеством очков Веры и характеристиками, которыми он обладал на данный момент, он мог даже подчинить всю деревню одним лишь физическим насилием.

«Единственный человек, который сейчас представляет для меня угрозу, — это Трео. Его характеристики относительно высоки, и он опытен в фехтовании. Если я пойду за ним, когда он спит, то больше никто не сможет меня остановить».

Но Джин не собирался этого делать. Возможно, он сможет победить в бою кого угодно в деревне, но разве они просто не сбегут? Для него это было бы настоящей проблемой.

«Есть масса методов, которые сработали бы, если бы я действительно вложил в это свой ум. Все просто зависит от того, нравится мне это или нет. Вместо того, чтобы я пришёл за ними, почему бы просто не заставить их прийти за мной?»

Он ломал голову над идеями и методами, которые он мог бы не только использовать, но и получать удовольствие.

«И здесь в игру вступает Колл. Мне нужно, чтобы он кое-что для меня сделал».

Есть причина, по которой гендерная трансформация Колла оказалась неполной. Это произошло не потому, что Джин был неспособен закончить это за один раз или потому, что у него не было достаточно очков Веры, а потому, что он специально сделал это таким образом.

«Коллу придется сыграть большую роль в подчинении всей деревни моей воле».

...

Сэра медленно моргнула и открыла глаза только для того, чтобы обнаружить себя в незнакомой комнате. Ее затуманенному разуму потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что произошло: она оказалась в спальне своих родителей. Пока она осматривала окрестности, в ее груди поселилось чувство беспокойства. События прошлой ночи вернулись, и Сэра не могла не почувствовать укол вины из-за табуированного поступка, который она

совершила со своей матерью.

Воспоминание было настолько ярким, что она все еще могла ощущать на языке вкус покрытых спермой половых губ и сфинктера матери. Это был момент, который навсегда запечатлелся в ее памяти.

«... Я зашла слишком далеко... пути назад нет?»

Глаза Сэры оставались прикованными к потолку, когда она сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь осознать все, что произошло за последние несколько дней. Это была ошеломляющая череда эмоций и переживаний, и ее разум чувствовал, что все еще не оправился от шока от всего этого. Когда она слегка пошевелилась, ее внезапно осенило: она была совершенно обнажена, ее упругие сиськи и тайный сад были обнажены. Румянец смущения разлился по ее щекам, и она не могла не почувствовать себя незащищенной и уязвимой.

«Мы... мы все спали вместе...?»

Сэра покачала головой, изо всех сил стараясь отогнать стыд. В горле у нее пересохло, а жажда была настолько сильной, что она застонала от разочарования.

«Мне нужно что-нибудь выпить...»

Даже не осознавая этого, она открыла рот, выкрикивая его имя.

"Джин..."

Мысли Сэры переместились к образу воды, но не той, которую она могла найти в тазу или бутылке. Вместо этого ей на ум пришел соленый, едкий вкус мочи Джина. Она почувствовала прилив тепла, разлившийся по ее телу, когда вспомнила сильное желание, охватившее ее, когда она в последний раз пила. Это было табу, это было грязно, но это было единственное, что могло утолить ее жажду. Она знала, что это неправильно, но удовольствие было неоспоримым.

«Прошлой ночью... мне не удалось выпить его мочу... она мне нужна... сейчас же».

Стыд и вина перед матерью все еще сохранялись, но это было ничто по сравнению с непреодолимым желанием, которое она испытывала к Джину. Ее сердце открылось ему, и она больше не стеснялась выражать свои потребности. Она стала другой женщиной, ее больше не сдерживали социальные нормы и ограничения. Ее разум и тело жаждали жидкостей его тела, и она отдалась этой зависимости. И, как настоящий наркоман, ею двигало исключительно желание утолить свою тягу.

"Джин..."

Сэра вскочила с кровати, ее разум был поглощен мыслями о Джине. Она не удосужилась одеться и вышла в столовую. Ее родители, Колл, Тересса и мужчина, который перевернул ее мир, сидели там и ждали, пока она проснется.

Она заметила, как глаза Джина блуждают по ее обнаженному телу, а на его лице расплылась злая ухмылка. Сэра почувствовала, как по спине пробежало покалывание, и она не могла не почувствовать, как ее лицо покраснело. Она знала, что теперь принадлежит ему телом и душой. Вид родителей ее больше даже не беспокоил — в конце концов, они все были такими же, как она, вместе в поисках восторга.

Тересса и Колл окликнули ее.

«Доброе утро, Сэра!»

«Доброе утро, Сэра».

<http://erolate.org/book/1472/186620>